

Е. Д. МУРАТОВОЙ и И. Г. СОКОЛОВА.

Творческая история „Посмертных записок старца Федора Кузьмича“ Л. Н. Толстого ¹⁾.

E. Muratowa. und I. Sokolow — Die Entstehungsgeschichte von L. N. Tolstoi's „Memoiren des Greises Feodor Kusmitsch“.

Die vorliegende Arbeit besteht aus zwei Teilen: der Bearbeitung des Textes selbst und der Untersuchung über den Prozess der Entstehung dieses Werkes.

Im ersten Teil wird folgendes festgestellt:

1. Tolstoi's Schriften über Feodor Kusmitsch bestehen aus drei Varianten des Manuskriptes, deren Reihenfolge bei der Analyse derselben deutlich wird.

2. Die vorhandenen gedruckten Texte dieses Werkes sind kombinierte, wobei keiner von ihnen als „kanonisch“ gelten kann.

Im zweiten Teil der Arbeit wird bewiesen, dass:

1. Die schöpferische Tätigkeit Tolstoi's in der letzten Periode seines Lebens in zwei Bahnen sich bewegte: der Weg des Künstlers geht im Geleise seiner alten Traditionen („Krieg und Frieden“, „Anna Karenina“); der andere Weg, der ausschliesslich moralische Ziele verfolgte, bewegt sich auf der Linie der Schöpfung volkstümlicher Erzählungen und biblischer Legenden. So wird das Schaffen der letzten Periode zu einem Kampf zwischen Tolstoi dem Künstler und Tolstoi dem Moralisten, wobei der letztere den Sieg behält.

2. Gleichzeitig mit der Arbeit an seinen künstlerischen Werken führt Tolstoi ein Tagebuch. Zwischen diesem Tagebuch des Autors und den „Memoiren“ besteht eine stilistische und inhaltliche Ähnlichkeit.

Последовательность рукописей ²⁾.

В Рукописном Отделении Всесоюзной Академии Наук находятся три варианта рукописей „Записок“: по сообщению (письменному) заведующего московским музеем Л. Н. Толстого — это все, что написано автором о Кузьмиче.

¹⁾ Данная работа студ. 4-го к. Отдел. яз. и литерат. Е. Д. Муратовой и И. Г. Соколова выполнена под руководством А. С. Долиннина в семинарии по истории русской литературы XIX в.

²⁾ При копировании текста рукописей соблюдались следующие условные знаки:

Слова зачеркнутые — [].

Слова, вставленные по тексту * * *

Слова, вставленные над текстом, оговаривались в примечании.

Слова, недописанные автором: < >.

Текст рукописей переписан по старой орфографии; знаки препинания и абзацы даются по рукописи.

Первоначальный вариант написан от руки автора; второй вариант перепечатан на машинке, при чем по тексту имеются значительные исправления и дополнения (два листа), сделанные рукой автора. Третий вариант напечатан на машинке, — по тексту имеются поправки рукой автора.

Такая последовательность рукописей вскрывается при анализе работы Толстого над этими тремя вариантами.

1. Зачеркнутые слова и фразы предполагаемой первой редакции не вошли в предполагаемый второй и третий вариант рукописи:

I — 4¹⁾.
Я [минуты двѣ простоялъ тутъ] стоялъ,
какъ заколдованный, глядя на то, какъ шагаль
этотъ несчастный.

I — ба.
Имя дано мнѣ было [моей бабкой] по
желанію [моей] бабки.

II — 4. III — 9.
Я стоялъ, какъ заколдованный, глядя
на то какъ шагаль этотъ несчастный.

II — 6. III — 18.
Имя дано мнѣ было по желанію бабки.

Это явление можно еще с большей ясностью проследить на целых отрывках, зачеркнутых в первой редакции и не вошедших во вторую и третью.

В рук. I, ст. 6, после слов „Сибирская тайга близъ Краснорѣченска“ идет отрывок с описанием кельи старца, начинается он со слов „Зв. пишу это въ построенной для меня кельи“ и кончается: „стѣны голыя только въ переднемъ“. Дальше отрывок прерывается словами „Родился я 72 года тому назадъ“ и кончается: „отцомъ былъ Императоръ Австр. и Король Прусскій“. Первый отрывок Т. отчеркивается на полях под № 2, а потом совсем зачеркивается вместе с последующим описанием кельи от слов „в углу икона Божьей матери“ и кончая „только отъ мороза трещать [деревья]“. Следовательно, в предполагаемой рукописи первой остается незачеркнутым отрывок со слов „Родился я“ и кончая „отцомъ Импер. Австр. и король Прусс.“. Во втором и в третьем варианте картина представляется такою на ст. 6, р. II после слов „Сибирская тайга близъ Краснорѣченска“ следует незачеркнутый выше приведенный отрывок. То же явление можно наблюдать на ст. 5, р. I с отрывком: „съ [этого дня 8 ноября]“ и в рук. II, ст. 4; III, ст. 14.

2) Зачеркнутые слова и фразы второй редакции не вошли в предполагаемый третий вариант.

Рук. II, ст. 2.
И, вернувшись домой я какъ [какъ ни
въ чемъ не бывало] будто освободился.

Рук. II, ст. 3.
[она вся исковеркана, вся во власти
дьявола, похоти, тщеславія] и всѣ мои прежнія
желанія

Рук. II, ст. 6.
Она подошла ко мнѣ въ саду и навзла
себя [Встрѣча съ ней произвела на меня
очень сильное впечатлѣніе]. Было это...

Рук. III, ст. 10.
И, вернувшись домой, я какъ будто
освободился

Рук. III, ст. 13.
и всѣ мои прежнія желанія

Рук. III, ст. 13.
Она подошла ко мнѣ въ саду и на-
звала себя. Было это...

3) Слова и фразы, вставленные над текстом в первую редакцию, вошли во вторую, а в слова и фразы вставленные над текстом второго варианта вошли в третий и написаны там уже в строчку.

¹⁾ Римская цифра дает номер варианта, арабская страницу рукописи.

Рук. I, ст. 5. И всё мои прежнія желанія отреченіе отъ престола отчасти съ рисовкой, съ желаніем удивить опечалить [другихъ] людей

Рук. I, ст. 10. Другое важное событіе въ связи со смертью Соф. Ив. былъ переходъ нашъ въ мужскія руки назначеніе къ намъ воспитателемъ

Рук. II, ст. 1. Я столько разъ разрѣшавшій это наказаніе никогда не видалъ этого зрѣлища

Рук. II, ст. 1. Мрачныя [и дурныя] мысли исчезли и я пошелъ къ игравшему мѣстами на солнцѣ морю.

Р. II, ст. 3.

II — 10.

III — 7.

III — 7.

4) Слова и фразы переписаны из первой редакции во вторую и из второй в третью и зачеркнутые уже в них

I, ст. 10. Гордость, сознание своего величія снисходительное отношеніе къ людям.

I — 6. Доктора сказали про него, что его положеніе безнадежно и что смерть его дѣло нѣсколькихъ дней.

II — 12. Желалъ обвалить заваленку она обвалена.

II — 11. А такъ и смѣю я поблѣднѣлъ отъ оскорбленія.

II — 10.

Зачеркнуто.

II — 4.

Зачеркнуто.

III — 33.

Зачеркнуто.

III — 32. А такъ и смѣю я нечаянно что за важность.

5) Незаконченные фразы первой редакции заканчиваются во второй

I р., ст. 4. И странное дѣло [это, очевидно было дьявольское влеченіе] мысль объ убитой чувственной красавицѣ Настасьи и объ разсѣваемомъ шпигрутенами тѣломъ солдата

II рук., ст. 1. добавляется: сливалось въ одно разражающее чувство.

6) Во второй вариант, напечатанный на машинке вставлены рукописные листы II — 7 вставлен целый лист с описанием комнаты Ал-ра „комната въ которую помѣстили меня“. В р. I, ст. 10 этот отрывок лишь начат и в ней же зачеркивается II — 11 вставлен в машинный текст рукописный „какой-то торжественный день“. В первой рукописи этот отрывок отсутствует. Во второй же редакции при разработке исполнения плана бегства вставлен мотив заболевания лихорадкой II — 4. Внесенное во вторую редакцію целиком переносится в третий вариант рукописи.

Доказательством таковой последовательности рукописей может служить тот факт, что все изменения композиц. порядка, как перестановка отрывков в предшествующих вариантах внесена в последующие.

Первое издание посмертных художественных произведений Льва Н-ча вышло в 1911 году, но „Записки Федора К-ча“, относящиеся к этому циклу произведений, по цензурным условиям не были напечатаны в этом издании.

Впервые „Записки“ были напечатаны в Берлине в 1912 году во втором издании посмертных произведений (см. список изданий „Записок“).

В России в первый раз „Записки“ были напечатаны в жур. „Русское Богатство“ за 1912 год, кн. 2. В этом же году, а также и в последующие годы „Записки“ или выходили отдельным изданием, или входили в полное собрание произведений Т.

Как только вышла в свет февральская книга журнала „Русское Богатство“, она тотчас же была, по постановлению Санкт-Петербургского К-та по делам печати конфискована за напечатание „Записок“. Однако, в скором времени (20-го марта) арест был снят, и „Записки“ было разрешено напечатать с условием исключения из них 16 строк („Людьми, не имевшимъ несчастья“ и т. д.), из дневника К-ча за 13 декабря“.

В последующих изданиях „Записок“ (за исключением берлинского) те места текста, в которых дается или характеристика или действия высочайших особ (Александры и Екатерины), вычеркнуты цензором.

Так, например (даем текст „Записок“ издания „Русское Богатство“ 1913 года), стр. 24 после слов:

„Я величайший преступник“ следует многоточие до слов: „вериль тому“... Следует читать: „Я величайший преступник, убийца отца, убийца сотен тысяч людей на войнах верил тому“... — и т. д. (стр. 214 берлинск. издание); на той же странице после слов: „трупъ замученного“ следует вставить слово „мною“.

Страница 26 после слов: „они были участники“ следует вставить слова: „моего преступления“ (стр. 216) страница 42 после слов: „это выражение глаз“ вычеркнута цензурой следующая фраза: „о которомъ вспоминаю теперь с омерзением“ (стр. 230) и на странице 44 после слов: „по всемъ вероятямъ былъ“ следует читать: „нашимъ дедомъ“ (231).

Издание „Записок“ без цензурных исправлений в России появилось в 1920 году в издании государственного издательства, которое является перепечаткой берлинского издания.

При сличении печатных текстов с рукописями выяснилось, что текст „Записок“ сводный, при чем ни в одном издании (так же и у Черткова) об этом не было упомянуто.

Кроме того, канонического ¹⁾ текста „Записок“ нет совершенно: текст берлинского издания каноническим считать нельзя в виду значительных исправлений редактора в тексте ²⁾.

Наиболее „доброкачественными“ изданиями являются издания „Записок“ под редакцией Черткова, Бирюкова и журн. „Русское Богатство“; остальные издания представляют собой перепечатку издания „Русского Богатства“ и были изданы только для рынка, в виду большого интереса к легенде.

В издании „Записок“ графа Амори и книгоизд. „Звезда“ имеются статьи о бродяге Кузьмиче, когда-то жившем в Сибири около гор. Томска.

Список изданий.

Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого том III (стр. 211—236). Издание „Свободного Слова“ В. и А. Чертковых.

Berlin. J. Ladyschnikow Verlag g. m. b. H. 1912 г.

„Русское Богатство“ февраль, кн. 2, за 1912 год.

„Посмертные записки старца Ф. К-ча“ изд. журн. „Русского Богатства“ СПб.—1913 г.

¹⁾ Авторами этой работы канонический текст составлен, но в виду отсутствия места в настоящем сборнике, не может быть напечатан.

²⁾ Характеристика текстов составлена, но по тем же причинам не печатается.

Издание „Посредник“ № 1080. СПб. 1912 г.
Полное собрание соч. Л. Н-ча Толстого. Изд. Сытина под ред. Бирюкова. 1912—1913 г., т. XX.

Посмертные художественные произведения Л. Н-ча Толстого, т. I. Второе дополненное издание Московского Т-ва „Образование“ (год не указан).

Издание В. Врублевского. СПб. 1912 г.

Издание графа Амори. СПб. 1912 г.

Издание книгоиздательства „Звезда“ (год не указан).

Издание Гиз „Хаджи Мурат“ и др. произведения 1920 г. Пт.

Для осмысления творческой работы Толстого над „Записками старца Федора Кузьмича“ необходимо выйти за пределы самого произведения и присмотреться к его окружению.

В 80-х годах перед Т. встает вопрос об отношении искусства к жизни и о роли его в ней. Разрешение этого вопроса у Т. тесно связано с разрешением вопросов морального и социального порядка. Занимаясь им весь последний период своего творчества, Т. решает его так: вся жизнь на земле должна быть исполнением воли бога, и назначение искусства указывать путь к выполнению ее. Отсюда становится понятным и устремление Т. к новым формам искусства. Понимание роли искусства, связанное с идеей посланничества, выводит Т. на путь религиозного и народного искусства. Творчество в последний период концентрируется на темах, разрешающих этические проблемы, и очень часто новых для Т. формах — записок-дневников.

Замысел „Записок старца Ф. К.“ и работа над ними относится к последнему периоду творчества Т. По воспоминаниям Бирюкова (Биография Л. Н. Толстого, т. III, стр. 229 изд. Гиз). Л. Н-ч в 1894 г. первый раз в кругу своих близких рассказывает легенду об Александре I. Вторичное упоминание мы находим в дневнике Л. Н-ча (Дневник Толстого 1895—1899 г.г. изд. Чертковым 1916 г.) за 97 г. в записи от 13/XII на ряду с другими записанными для художественной обработки сюжетами находим сюжет об Александре I. Непосредственная же работа над этим сюжетом относится к 1905 году.

Таким образом легенда об Александре занимает внимание автора в отдельные моменты на протяжении десяти лет.

В ней Т. не интересуется освещением действительного события, об этом он пишет в письме к князю Михаилу Николаевичу следующее: „Пускай исторически доказана невозможность соединения личности Александра и Кузьмича, легенда остается во всей красоте и истинности.—Я начал было писать на эту тему, но едва ли не только кончу, но едва ли удосужусь продолжать. Некогда, надо укладываться к предстоящему переходу. А очень жалею. Прелестный образ“. (статья В. Г. Короленко „Герой повести Л. Н. Толстого“ изд. „Записок“ „Русск. Богат.“ стр. 15).

С ее обработкой Т. связывает разрешение стоящих перед ним нравственно-религиозных проблем. Легенда дает богатый материал для задания, упомянутого в дневнике в 1898 г., — „создать художественное произведение, в котором бы ясно показать всю текучесть человека“. Эта легенда дает возможность сказать в художественном слове, что единственной целью в жизни является самоусовершенствование путем служения богу, и что все остальные поставленные людьми цели — ошибки и заблуждения.

Главной темой произведения должны были быть переживания Александра в момент его душевного переворота, которые приводят его к другому герою „Записок“—Кузьмичу.

К этим переживаниям Т. думает подвести читателя путем постепенного развертывания жизни Александра, которая дается с точки зрения Кузьмича. Отсюда является необходимость такой формы, в которой было бы возможно сплетение этих двух нитей, и были бы оправданы рассуждения и обобщения, необходимые Толстому. Таким требованиям и отвечает выбранная Т. форма дневника.

Обращаясь к рукописям, мы видим, что автор начинает „Записки“ именно так. В первом варианте (I—1) после заглавия их, как посмертных записок бывшего императора, должно было следовать содержание самих записок:

„Посмертныя записки [бывшаго русскаго Императора Александра Перваго писаныя имъ въ Сибири гдѣ онъ прожилъ подъ именемъ] старца Федора Кузьмича [27 лѣтъ] и умершаго [на заимкѣ вблизи города Томска въ 1864 году] [въ Сибири близъ города Томска] 20 января 1864 года [записки эти были намъ содержаніе этихъ записокъ] въ [слѣдующее] Сибири близъ города Томска на заимкѣ купца Хромова“.

Но в этой же рукописи, как мы видим, заглавие „Записок“ перерабатывается, и дается как заглавие „Записок“ старца, и кроме того, автор вставляет предисловие, которое является необходимым, как мотивировка для опубликования „Записок“.

В этой части „Записок“ задача автора сводилась к изложению признаков (или событий), по которым бы читатель мог знать, во-первых, о бегстве Александра и, во-вторых, о Кузьмиче, как о бывшем Императоре.

Характер стиля этой части „Записок“ напоминает стиль научной статьи, где автор стремится дать объективное изложение совершившихся событий.

Самые „Записки“ делятся на две части: дневник Кузьмича, озаглавленный „Моя жизнь“ и вводную часть к нему с описанием бегства Александра. Вводная часть нужна была автору для того, чтобы в конце концов вывести К-ча—Александра после кризиса.

Изложение главного сюжета повести—жизни Александра дается в форме отдельных картин-воспоминаний, вставленных в рамку дневника. Характерно начало самих записок: „Спаси Богъ бесцѣннаго друга моего Ивана Григорьевича“... и т. д. Построение дневника идет в двух планах: в одном из них дается герой воспоминаний Александр, в другом—непосредственно К-ч. Дневник является связывающим звеном между отдельными воспоминаниями Александра и организующим началом в композиции всего произведения.

Выше нами была сделана попытка обосновать появление замысла обработки легенды в определенный период творчества Толстого. Он в ней хочет высказать свои взгляды моралиста-проповедника, но высказать их в художественной форме. В „Записках“ и сталкиваются эти два начала, борьба которых еще ярче вскрывается в процессе творческой работы Т.

На всем ее протяжении Т.-художник борется с Т.-моралистом и в конце концов уступает художнику, подчиняясь доминанте произведения.

Для доказательства выставленного нами положения обратимся к рукописям: в рукописи (I—10) дается описание величия Ал-дра, которое в рукописи второй (II—11) из статического описания отдельных признаков разрабатывается автором в сторону художественной детализации.

I—10

И какъ не ошалѣть когда на тебѣ одѣвають ленту черезъ плечо, [ввели] какъ награды, когда при твоёмъ проѣздѣ [солдаты выбѣгаютъ] всё снимаютъ шапки и солдаты отдають честь. Когда ты видишь что старые люди счастливы если ты сказалъ имъ ласковое слово.

II—11

Какой-то торжественный день и мы ѣдемъ по Невскому въ огромномъ высокомъ ландо [мы] Два брата и Н. И. Салтыковъ

Мы сидимъ на первомъ мѣстѣ. Два напудренныхъ лакея въ красныхъ лифвахъ стоятъ сзади

Весенний яркій день.

На мнѣ расстегнутый мундиръ бѣлый жилетикъ а на немъ голубая андреевская лента* и т. д.

Кроме этого отрывка в рукописи (II—7) вставлено детальное описание комнаты Александра:

„Въ [большой] обширной комнатѣ этой съ тремя [боль] высокими окнами по срединѣ ея среди четырехъ колоннъ прикрѣплена къ высокому потолку бархатный балдахинъ съ шелковыми занавесками до полу [кругомъ балда]. Подъ балдахиномъ поставлена кровать желѣзная съ кожанымъ тюфякомъ [по] подушкой и легкимъ англійскимъ одеялом. Кругомъ балдахина баллюстрада [по? ¹⁾ выше] въ два аршина вышины, такъ чтобы посѣтители не могли близко подходить. Въ комнатѣ никакой мебели [за], только позади балдахина постель кормилицы“.

На протяжении всехъ воспоминаний Ал-дра нетъ прямого указания на то, что в его воспитании обращали внимание на физическую сторону. Вставленный отрывок, разработанный с мастерствомъ художника и подчеркиваетъ то обстоятельство, что в воспоминании ребенка осталась только забота о его физическомъ воспитании. Значение вставленного отрывка становится еще яснее благодаря сокращению в той же рукописи отрывка, характеризующего отношения ребенка къ Гесслер.

Вычеркиваниемъ этого места уничтожается всякий намекъ на какое-то воспитание кроме физическаго:

„Прасковья Ивановна [Гесслер] англичанка была длиннолицая рыжеватая всегда серьезная англичанка. Но зато когда она улыбалась она разсѣивала вся и нельзя было держаться от улыбки [она учила меня] [я понималъ тогда уже что бабушка даже уважала ее. Пр. Ив. учила меня и ученье ея б<ыло> такое спокойное умное съ ней я старался съ и мнѣ было весело, а съ Сов. Ив. всегда скучно“*. (I—7a).

В этой же части „Записок“ Т. даетъ портретъ каждого вводимого имъ лица. Портреты большую часть в то же время и характеристики даются путемъ выделения характерныхъ деталей. Такъ данъ портретъ главнаго героя, творческая работа надъ которымъ и ограничилась указаниемъ только характерныхъ чертъ.

Надо отметить, что авторъ потому работаетъ надъ этимъ местомъ, что здѣсь задание дать характерное, осложняется другимъ заданиемъ: уловить бросающееся сходство со Струменскимъ:

„Когда же я стоялъ в толпѣ людей стоявшихъ позади рядовъ и смотрѣвшихъ на зрѣлище, я [над] досталъ лорнетъ, взглянулъ и чуть не упалъ отъ охватившаго меня ужаса [шелъ мен] высокій человѣкъ съ привязанными къ штучу обнаженными руками и съ головой кое-гдѣ глѣвшей уже отъ крови разсѣченной бѣлой сутуловатой спиной, человѣкъ тотъ былъ я, былъ мой двойникъ. Тотъ же ростъ, та же сутуловатая спина та же лысая голова, тѣ же бакки безъ усовъ [тотъ же ротъ] тѣ же скулы, тотъ же ротъ и тѣ же голубые глаза и [тотъ же ротъ] но ротъ не улыбающійся отъ вскрикиваній при ударахъ и глаза не умиленные ласкающие а страшно выпяченные и то закрывающіеся, то открывающіеся. Когда я немного опомнился и успокоил[ся] [и понялъ что это такое] я узналъ этого человѣка и понялъ что это такое.“

¹⁾ Вопросительный знак, поставленный в скобки, показывает на неразобранный слогъ в рукописи.

Человѣкъ этотъ б<ылъ> Струменскій, солдатъ [унтеръ оф] лѣво-фланговый унтер-офицеръ 3-ей роты Семеновскаго полка своею извѣстный всѣмъ гвардейцамъ по своему сходству со мною. Его шути называли Алекс. II*. (I—4).

Единственнымъ лицомъ не отмеченнымъ Т. является вначалѣ отецъ Александра, но в рукописи (III—24), в отрывкѣ, передающемъ свиданіе Ал-ра с уезжающимъ за границу отцомъ, Т. вставляетъ следующее: „и выбѣжалъ изъ комнаты, стуча своими высокими каблуками“. Это сразу оживляетъ образъ императора Павла. Ограничиваясь беглой обрисовкой портрета, Т. останавливается подробно лишь на разработкѣ портрета бабки Ал-ра.

В первой редакціи портретъ Екатерины былъ данъ сейчасъ же послѣ портрета Гесслеръ и Бенкендорфъ (I—7а), но во второй редакціи той же рукописи онъ оказался уже переделаннымъ:

I—7а

Бабушка у которой я жить казалась мнѣ верхомъ совершенства одно мое желаніе было быть такимъ же какъ она [я же] меня огорчало то что я не была женщина.

I—9а

Бабка ласкала хвалила меня и я любилъ* ее несмотря на отталкивающий меня (?) дурной запахъ который несмотря на духи всегда стоялъ около нея особенно когда она меня брала къ себѣ на колѣни И еще неприятны мнѣ были ея руки [бѣлыя] чистыя желтоватыя сморщенные, какія-то скользкія, глянцевитыя съ пальцами загибающимися вглубь и далеко неестественно оттянутыми обнаженными ногтями.

Глаза у нея были мутныя усталыя почти мертвыя, что вмѣстѣ съ улыбающимся беззубымъ ртомъ придавало тяжелое но не отталкивающее впечатлѣніе. Ее окружало такое обожаніе поклоненіе что я приписывалъ это выраженіе глазъ (о которомъ я вспоминаю теперь с омерзевіемъ)¹⁾ ея трудамъ о своихъ народахъ какъ мнѣ внушалось это*...

Переделка портрета бабушки произошла в процессѣ работы Т. потому, что данный в началѣ портретъ, какъ совершенство, не вязался с общимъ фономъ воспоминаній, где все дурно и плохо. Останавливается же Т. на немъ более подробно, чемъ на всехъ остальныхъ потому, что по ходу всего развитія сюжета видно, что Екатерина должна быть одной изъ центральныхъ фигуръ повести.

К работѣ Т. какъ художника относится проработка имъ момента бегства Ал-ра в вводной части къ дневнику „Моя жизнь“. Эта, сравнительно небольшая часть должна была вместить в себя и самый моментъ бегства и причины, побудившія к нему Ал-ра. Последний мотивъ долженъ быть главнымъ мотивомъ произведенія, и поэтому Т. выходитъ изъ положенія следующимъ образомъ: онъ даетъ лишь сжатую схему переживаній Ал-ра, художественно оправдывая это словами Кузьмича: „Какія душевныя муки я пережилъ что совершилось въ моей душѣ... я расскажу въ своемъ мѣстѣ. Теперь же опишу самыя дѣйствія мои*... (I—2) и все вниманіе Т. устремляетъ на разработку действительной части произведенія—на моментъ бегства. Онъ несколько разъ переделывается Т. в сторону большей правдоподобности случившагося. Вначалѣ Александръ прямо приступаетъ къ исполненію бегства; в этой же рукописи Т. вставляетъ планъ бегства, благодаря которому для читателя становится ясною возможность его исполненія.

¹⁾ Скобки поставлены авторомъ.

Самое исполнение вначале автор начинает с отрывка, в котором Ал-р использует суеверие; но этот отрывок автор несколько раз перерабатывает как неубедительный и вставляет момент заболевания Ал-ра лихорадкой. Эта переделка окрашивает в другой тон весь эпизод: он делается правдоподобным.

I—5.

Съ [этого дня] 8 нояб. начались мои обманы и приготовления [началъ я съ того что] Какъ разъ было такъ такъ темно днемъ что (?)

Я зажегъ свѣчи Анисимовъ войдя въ комнату затушилъ свѣчи и [сказъ] когда я спросилъ зачѣмъ онъ это дѣлаетъ онъ сказалъ, что это дурная примѣта, что если днемъ горятъ свѣчи значить къ покойнику я воспользовался этимъ и всѣмъ дѣлалъ намеки что у меня есть предчувствіе скорой смерти 9 числа я обыкновенно сълъ бриться и обрѣзался [ниже] около подбородка

III—14

9 я какъ нарочно заболѣлъ лихорадкой я проболѣлъ около недѣли во время которой я все больше и больше укрѣплялся въ своемъ намѣреніи и обдумывалъ его. Шестнадцатаго я всталъ и чувствовалъ себя здоровымъ. Въ этотъ день я какъ обыкновенно брился и нечаянно сильно обрѣзался около подбородка.

Как художник Т. много внимания уделяет работе над языком, при чем надо отметить, что работа в этой плоскости сосредоточена исключительно в той части, где героем является Ал-р.

Все многочисленные поправки, не меняющие смысла высказываемых положений, а лишь уточняющих его, относятся именно к этой части:

(I—6) „имя дано было бабкой“ исправлено в этом же варианте: „по желанію бабки“.

(I—4) „не доходя улицы съ зеленымъ домомъ“ исправлено: „угла с зеленымъ домомъ“ (III—7).

К работе над отделкой языка относится также сокращение однозначущих предложений:

(II—2) „Я стоялъ какъ заколдованный... не могъ двинуться съ мѣста...“ в этом же варианте последняя часть зачеркивается.

Примеры аналогичные вышеприведенным многочисленны и разбросаны почти на каждой странице рукописей.

В этой же части идет работа и над образностью языка:

I—4 „Я пошелъ к морю“, во втором варианте (II—1) вставлено: „игравшему мѣстами на солнцѣ морю“.

I—4 „Солнце поднималось“, во втором (II—1): „солнце только что поднялось“. Последняя вставка дает понятие не просто утра, а очень раннего часа его.

Надо также отметить употребление в этой части французских оборотов и отдельных слов, что придает особый оттенок этой части дневника.

Совершенно в другом направлении идет работа, где героем выступает непосредственно Кузьмич. Если по вышеприведенным примерам можно было судить о Т., как о художнике, то здесь выступает Т. — моралист. Кузьмич в противоположность Ал-ру дается на фоне библейско-народного сказа с его медлительностью повествования. Сам по себе дневник представляет недействительную часть произведения. Он весь наполнен рассуждениями К-ча, многочисленными цитатами из евангелия и молитв и частичной стилизацией под них; каждый введенный в него мотив служит автору отправным пунктом для высказывания по тому или иному поводу. Это вскрывается при анализе портрета. Если в первом плане работы Т. каждое введенное лицо давалось как известный образ, то о введенных в эту часть дневника лицах мы не имеем

никакого представления: здесь только имена — Марья Мартемьяновна, Никанор Иванович. Они только толчок для отправления мысли К-ча.

„Съ ней вмѣстѣ прѣхалъ ея зять Никаноръ Ивановъ тотъ самый к<оторый> звалъ меня поселиться въ его домъ и потомъ не переставая преслѣдовалъ меня своими посещениями. Ник<аноръ> Ив<ановичъ> этоть великое для меня искушение. Не могу преодолѣть антипатіи отвращенія къ нему. Ей Господи даруй мнѣ зрѣти прегрѣшенія моя и не осуждать брата моего. А я вижу всѣ его согрѣшенія, угалывая ихъ съ пронищательностью злобы, вижу всѣ его слабости и не могу побѣдить [отвраще] антипатіи къ нему къ брату моему, къ носителю такъ же какъ я божественнаго начала. Что значить такія чувства...“ и т. д. (1—8; 1—9).

В дневнике все внимание устремлено исключительно на внутренний мир героев. Внешний мир почти отсутствует, он является только до некоторой степени стимулом для высказывания того или иного суждения К-ча.

Стилистическая работа в этой части заключается главным образом в устранении некоторых деталей, которые так или иначе могли бы „помешать“ заданию автора.

Обратимся к работе Т. над пейзажем. Собственно, пейзажа, как такового в произведении нет, есть лишь отдельные фразы так или иначе исполняющие его роль, но они разбросаны по всему произведению и нигде не сконцентрированы в картину. Пейзаж обычно служит концовкой в записях К-ча; есть попытка использовать его для оттенения душевного состояния К-ча: „Вышелъ на дворъ. С лѣвой стороны потухли яркія звѣзды въ удивительномъ сѣверномъ сіяніи. Какъ хорошо! Какъ хорошо!“ (1—9).

Работа Т. идет по линии сокращения этого и без того очень скудного пейзажного материала. Т. пытался начать „Записки“ так: „Весна. Все цвѣтеть и радуется...“, но в этом же варианте вся фраза им зачеркивается.

На странице шестой первого варианта Т. зачеркивает подробное описание кельи К-ча.

„Въ кельѣ моей 5 шаговъ ширины и 8 длины кельѣ. Сплю я на кровати изъ двухъ досокъ на козлахъ съ деревянной подушкой и пробывалъ Стѣны голыя только въ переднемъ углу икона Бож. матери образа и подареннаго мнѣ Александра Невскаго У стола бревенчатой [стѣны] двѣ одна скамья [но на другой я] сижу я на лавкѣ передъ сосновымъ столикомъ на [и] столѣ распятіе евангеліе [и] псалтырь [и] моя тетрадь и баночка съ чернилами перочинный ножъ подарокъ игумена и [пуч] гусинья перья На стѣнѣ виситъ лосиный халатъ Окна замерзли“.

Одновременно с этим зачеркивается намечавшаяся попытка нарисовать картину природы:

„На дворѣ должно быть градусовъ 40 [тихо но не очень холодно] [ноги забнутъ мнѣ тепло мой въ валенкахъ а руки трясутся] Я только что накололъ дровъ на завтра и согрѣ[ся] Ноги теплыя въ валенкахъ но руки трясутся отъ работы и не могутъ хорошенько очинить перо. Благодарю Бога что близорукіе глаза до сихъ поръ хорошо видятъ вблизи. На дворѣ тихо только изрѣдка отъ мороза трещать деревья“ (там же)

Выбрасывая из дневника все, что не может быть использовано в нем для обобщений или рассуждений, Т. в процессе работы больше и больше внимания уделяет рассуждениям.

Так кончая день 13 декабря (1—10) словами: „А топоръ тупъ и наточить нечѣмъ“ следующий день начинается словами: „продолжаю вчерашнее“ и далее прямо идут воспоминания. В последующем же варианте (II—11а). Толстой помечает этот день 16 декабря и вставляет целый отрывок, в котором приводит рассуждение К-ча о жизни—как как о вечном желании:

I—10.

„А топоръ тупъ и наточить нечѣмъ да и не умѣю [я же]...“

Продолжаю вчерашнее. То что я пишу про свое дѣтство я пишу больше по рассказамъ и часто [разск] то что про меня рассказывали перемѣшивается съ тѣмъ что я испытывалъ...“

II—11a

16 декабря. 3 дня не писалъ Былъ нездоровъ. Читалъ евангеліе но не могъ вызвать въ себѣ [ш] того пониманія его того общенія съ Богомъ к<оторья> испытывалъ прежде... (следуетъ большой отрывокъ, после котораго идутъ слова: „продолжаю вчерашнее“).

Судя по ходу работы Т. над рукописями, Кузьмичъ начинаетъ вытеснять собою Александра. Это оправдывается не только количественнымъ соотношеніемъ страницъ, но и роль К-ча становится все активнее, его лицо становится заметнымъ в каждомъ мотиве произведенія. Если и раньше жизнь Ал-ра до кризиса давалась черезъ точку зренія К-ча, то в процессе творческой работы это все больше и больше подчеркивается авторомъ.

Из пр-нія изгоняется постепенно все, что не прошло черезъ оценку К-ча и давалось, какъ непосредственное воспріятіе впечатленій дѣтства Александра. Из пр-нія выбрасывается все, что могло бы придать воспоминаніямъ интимность и более „теплый“ оттенокъ. В начале (I—3—) „особенно съ нею съ Лизой“, в этой же рукописи: „женою“.

Вначале (I—9): „братомъ Костенькой“, потомъ: „Константиномъ“ или „рыженькій карапузикъ братъ Костя“ (I—10) первые два слова вычеркиваются (II—10).

Сюда же можно отнести и приведенную выше разработку портрета бабушки. Она не дается, какъ воспоминаніе любимой в дѣтстве бабушки, а отношеніе К-ча и здѣсь выступаетъ в след. словахъ (I—9): „выраженіе глазъ [о которомъ вспоминаю теперь съ омерзѣніемъ]“. То же самое можно наблюдать на разработкѣ обобщеній и выводовъ.

Яркий примеръ можно видѣть на следующемъ:

I—10

Людыамъ не имѣвшимъ несчастья родиться [пр] в Царской семьѣ я думаю трудно представить себѣ всю ту извращенность взглядовъ на людей на свои отношенія къ нимъ которыя испытывали мы, испытывалъ я гордость сознаніе своего величія снисходительное отношеніе къ людыамъ съ дѣтства вкореняются в душу.

II—10

...испытывалъ я (со словъ: „гордость“ и до слова: „в душу“ зачеркиваетъ автор, и отрывокъ разработанъ в следующемъ видѣ) вмѣсто того естественнаго [сознанія] ребенку чувства зависимости отъ взрослыхъ и старшихъ, вмѣсто благодарности за всѣ блага, которыми пользуешься намъ внушалось [вмѣсто] увѣренности в томъ что мы особенныя существа которыя должны быть удовлетворяемы не только всѣми возможными для [гордость сознаніе своего величія самонадѣянное отношеніе къ людыамъ съ дѣтства вкореняются в душу] людей благами, но которыя однимъ своимъ словомъ, улыбкой не только расплачиваются за всѣ блага но награждаютъ и дѣлаютъ людей счастливыми Правда отъ насъ требовали учтиваго отношенія къ людыамъ но я дѣтскимъ чутьемъ понималъ что это только видимость и это делается не для нихъ, не для тѣхъ съ кѣмъ мы должны были быть учтивы, а для себя, для того, чтобы еще значительнѣе было свое величіе.

I—9a

Тѣ главные вопросы которые стоятъ передъ всѣми людьми и на которые мудрые ищутъ и находятъ отвѣты и легкомысленные [не] стараются отстранить забыть. Я такъ и сделалъ какъ и свойственно было ребенку.

II—10

свойственно было ребенку и особенно в томъ [об] мѣрѣ в к<оторомъ> жилъ Я отстранилъ отъ себя эту мысль, забывая про смерть жить такъ какъ будто ее нѣтъ и вотъ дожилъ до того, что она стала страшна мнѣ.

или

I—3

Я презиралъ всѣхъ людей и эти то презрѣнные люди ихъ мнѣние только и было для меня интересно важно.

III—6

меня интересно важно. Только ради него я (жилъ) и дѣйствовалъ.

Кроме указанных выше примеров, ту же работу у Т. мы находим и в водной части пр-ния, так, например, нагнетание мотивов с целью усилить какое-либо место пр-ния ст. 5а первого варианта.

„И [а] всѣ мои прежнія желанія... вернулись с новой силой“; во втором варианте ст. 3 мы имеем: „вернулись теперь [с новой силой] Но вернулись с новой силой и съ полной искренностью уже не для людей, а только для себя, для души“ или тамъ же имеемъ (I—5а)... „круг жизни б<ылъ> пройденъ только для того чтобы вернуться къ тому юношескому [р] вызванному раскаяніемъ желанію уйти от всего, чтобы жить для души своей...“ Вариант II ст. 3 „[чтобы жить для души своей]... и дальше следует вставка: „но вернулись безъ тщеславія, без мысли о славѣ людской дл[я] себя дл[я] Бога“.

В эту же сторону разрабатывается эпизод с Сашей Голицыным.

I—10.

Саша Голицынъ игравшій со мной в (?) толкнулъ меня и сдѣлалъ мнѣ больно [И не Что ты толкаешься? вскрикъ] Как ты смѣешь [толкаться] А такъ и смѣю Я поблѣднѣлъ отъ оскорбленія

III—32.

и сдѣлалъ мнѣ больно. Как ты смѣешь?

— А такъ и смѣю. Я нечаянно, что за важность. Я [поблѣднѣлъ] чувствовалъ какъ кровь прилила мнѣ къ сердцу отъ оскорбленія [и пожаловался Н. И.] и злобы

Переменной слов Саши: „А такъ и смѣю“ на „нечаянно“ подчеркивается испорченность Ал-ра и несправедливость окружающего.

В своем стремлении усилить мотив, сделать его еще ярче Т. доходит до извращения исторической действительности так в „Записках“ является искажением описание характера жены Ал-ра ¹⁾.

Рядом с указанной работой идет в том же направлении работа над теми местами произведения где даются душевные переживания героя:

I—4.

Главное чувство мое было то, что дѣлается надъ этимъ двойникомъ моимъ должно было дѣлаться надо мной.

II—2.

Главное чувство мое было то, что мнѣ надо было сочувствовать тому что дѣлалось надъ этимъ двойникомъ моимъ если не сочувствовать, то признавать что дѣлается то что должно быть и я чувствовалъ что я не могъ А между тѣмъ я чувствовалъ что если я не признаю что это хорошо то я долженъ признать что вся моя жизнь всѣ мои дѣла все дурно и мнѣ надо сдѣлать что я давно хотѣлъ сдѣлать—все бросить уйти исчезнуть

¹⁾ Смотри примечание В. Г. Черткова к „Запискам“.

То же самое мы видим в первом варианте рукописи — дается смерть Софьи Ивановны Бенкендорф — здесь только фиксируется факт смерти, но во втором варианте он более разработан с целью подчеркнуть событие, так как с ним связано переживание Ал-ра, которое в свою очередь необходимо для рассуждений К-ча по поводу легкомысленного отношения людей к такому вопросу, как смерть и жизнь:

I—9a.

Важнымъ событіемъ за это время была смерть Софьи Ивановны Бенкендорфъ. Случилось это вечеромъ въ нашей комнатѣ при бабушкѣ. Софья Ивановна [встала] хотѣла показать бабушкѣ и быстрыми шагами пошла [ввелъ] къ двери. Вдругъ она пошатнулась и упала [но] сбѣжались люди нашь увели. Но на другой день мы узнали что она умерла.

II—9.

Случилось это вечеромъ въ [нашихъ комнатахъ] Царскомъ при бабушкѣ Соф<ья> Ив<ановна> [хотѣла показать бабушкѣ новые наши плащи и быстрымъ шагомъ пошла въ дверь] только что привела нашь послѣ обѣда и что-то говорила улыбаясь какъ вдругъ лицо ее стало серьезно она зашаталась [и] прислонилась къ двери скользнула по ней и тяжело упала. Сбѣжались люди нашь увели...

Подводя итоги творческой работе Т. над рукописями „Записок“, приходим к подтверждению высказанного ранее положения. На всем протяжении работы идет борьба между моралистом и художником, и победа остается за первым. Если в первых вариантах рукописей Т. стремится уничтожить места, которые слишком ярко подчеркивают тенденциозность (I—6): „И что же душа? Она вся во власти дьявола, похоти и тщеславія“... во втором варианте эти строки совершенно вычеркиваются (II—2) или в III—20 вычеркиваются слова: „а мы дали ей кокошники, сарафаны и считали себя расквитавшимися“... то в последний вар. III—4 вставляется мотив, в начале худож. произвед. определяющий его задание: так, в I—2 начало записи дневника ничем не мотивировано, Кузьмич думает использовать свое уединение, в третьем же варианте он пишет повесть своей жизни для того, „чтобы она была поучительна людям“.

В процессе работы К-ч, как таковой, вытесняет Ал-ра, и лицо художника скрывается — выступает лицо проповедника-обличителя.

При анализе творческой работы вскрывается, что Т. гораздо больше работает над той частью пр-ния, где героем является Александр. Дневник К-ча почти не носит на себе следов поправок Т., кроме указанного выше стремления к концентрации сюжета и освобождения его от побочных мотивов. Это обстоятельство становится совершенно ясным, если мы выйдем за пределы пр-ния. Стиль дневника К-ча, его корни лежат в народных рассказах.

Страхов отмечает, что уже в 80-ые годы Л. Н-ч увлекается народным языком и тщательно записывает язык богомолок. С этого же момента Т. начинает перечитывать Библию, его настольной книгой делается Евангелие. К моменту работы над К-чем мы имеем уже народные рассказы, притчи и обработку повестей („Ходите в свете“ и др.) в духе библейской легенды. Все меньше и меньше уделяя внимания худож. работе в последние годы своего творчества, Т. занимается ведением ежедневных записей дневника, куда и проникает этот стиль библейского сказа и поучений. При беглом знакомстве с дневником Т. бросается в глаза сходство со стилем „Записок“: дневник К-ча обычно является обрамлением воспоминаний Ал-ра, то же самое построение и у Т. Здесь начало и концовка, являющиеся рамкой для содержания записи. В дневниках Т. находим следующие концовки после описания рассуждений и выводов: „Писал до обеда. Теперь два часа. Иду обедать“ или „Теперь 10 ч. вечера иду ужинать“... и т. д.

или начало записей: „Пропустил шесть дней. Казалось мало думал за это время, немного писал, рубил дрова и хворал, но много пережил“... и т. д., после чего обыкновенно идут описания переживаний.

Знакомство с дневником Т. помогает нам осмыслить почему в творческой работе Т. дневнику К-ча уделяется гораздо меньше внимания, чем воспоминаниям Ал-ра. В нем этот стиль оправдан поставленным худож. заданием и органически сливается с героем повести, старцем Федором К-чем. Выход за пределы самого пр-ния помогает глубже вскрыть место „Записок“ в творчестве Т. „Записки“ соприкасаясь с посмертными пр-ниями Т., всеми корнями уходят в творчество последних лет.

В дневнике за 1896 г. Т. записывает следующее: „Искусство-микроскоп, который художник направляет на тайны своей души и показывает эти общие тайны всем людям. Искусство должно сказать правду о душе человека“ (стр. 47 Дневники за 1895—199 г. изд. Черткова). И начиная с „Воскресения“ Т. во всех своих худож. произведениях пытается сказать эту правду, беря психологический процесс не в статическом виде, а работая над его диалектикой. Благодаря этой работе Т. удается построить целый сюжет, который и разрабатывается им во всех произведениях последнего периода.

С „Воскресенья“ через „Записки сумасшедшего“, „Отца Сергия“ и до „К-ча“ можно протянуть одну сюжетную линию. Все только что названные пр-ния имеют одного и того же героя, поставленного автором в разные положения и разрешающие по-разному один и тот же вопрос. Идя дальше, надо отметить, что путь этой сюжетной линии лежит через дневник Толстого.

У Бирюкова (Биограф. Л. Н. Толстого, т. IV, гл. 7 стр. 82) помещена запись дневника за 1903 г. от 18 июня, где наряду с задуманными для обработки сюжетами Т. записывает под № 3 следующее: „описать себя во всей правде, со всеми моими слабостями и глупостями попеременно, с тем что важно, хорошо в моей жизни“... и дальше:

„Все это важнее глупого Хаджи-Мурата“.

В этом же месте Бирюков отмечает, что этому замыслу Т. не суждено было сбыться, но в этом же томе в своих воспоминаниях Бирюков дает выписку из дневника Т. за 1905 г., где Т. упоминает о своей работе над „Воспоминаниями“ наряду с работой над Александром ¹⁾.

В тех же выписках Б. из дневника Т. за 1905 год находим:

13/XII. „Вчера продолжал Александра I, хотел писать „Воспоминания“, но не вышло“.

17/XII. „Писал немного Александра. Но плохо, пробовывал писать „Воспоминания“ еще хуже“.

Из этих выписок видно, как шла работа над „Записками“. Она шла параллельно с обработкой „Воспоминаний“ самого Т.

По этим же выпискам видно, что работа над „Воспоминаниями“ не ладилась у Т.

Принимая это во внимание, основываясь на замечании Бирюкова о неисполнении замысла Т. можно предположить, что работа над Ал-ром вытеснила работу над „Воспоминаниями“, а, может быть даже отдельные моменты их частично „перекочевали“ в „Записки“. Последнее предположение подтверждается следующими сопоставлениями:

¹⁾ Бирюков. Биография Л. Н. Толстого т. IV, гл. IX, стр. 115.

Выписка из дневника Т.
1905 г. 9/XII.

Как-то на днях молился Богу, понимая свое положение в мире по отношению к Богу, и было хорошо.

17/XII.

Два дня совсем ничего не писал. Все нездоров желудком был очень сонен умственно и даже духовно ничего не интересует. Такие периоды я еще не привык переносить спокойно.

Рукопись „Записок“.

1—7. (Дневника К-ча).

Вчера ночью въ темнотѣ молился. Ясно сознавалъ свое положеніе въ мірѣ: я вся моя жизнь есть нѣчто нужное тому, кто меня послалъ и [дѣлать это нужное] я могу дѣлать это нужное Ему и могу не дѣлать*.—и т. д.

II—12.

3 дня не писалъ. Былъ нездоровъ. Читалъ Евангеліе и не могъ вызвать въ себѣ того пониманія его, того общенія съ Богомъ что испытывалъ раньше...

И это такъ и это я чувствую когда я здоровъ но когда я вчера третьяго дня болѣлъ желудкомъ я не могъ вызвать этого чувства и хоть не противился смерти, не могу желать приближеніе къ ней. Да такое состояніе есть состояніе сна духовнаго надо спокойно ждать...

Вопрос о том, что „Воспоминания“ частично „перекочевали“ в „Записки“ может быть окончательно решен после опубликования дневников Т. более позднего периода.